

DOI 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-150-156

УДК 34:94(47).05

Людмила Викторовна Попова

Миасский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Миасс, Российская Федерация

ORCID: 0000-0003-2690-246X

E-mail: mila_fil@mail.ru

Этнокультурные ценности через призму языка законодательства Петра I

АННОТАЦИЯ. Рассмотрена проблема неоднозначной оценки реформаторской деятельности Петра I с точки зрения отношения к национальной культуре. Показана преемственность правовых понятий в системе права эпохи Петра I по отношению к предшествующим этапам развития права и ценностям русской ментальности. Выполнен анализ юридической терминологии в текстах законодательных документов: именных указов, кодексов норм для органов власти, судебных органов, армии. Установлены формы лексической репрезентации ключевых морально-этических и религиозных концептов русской ментальности: «правда», «справедливость», «обида», «совесть», «грех». Выявлен терминологический статус этнокультурных номинаций. Комплексный этноконцепт «правда — справедливость» отражен в терминологии тематических групп «правотворчество» и «правоприменение». Этноконцепт «совесть» актуализирован в тематической группе «правоприменение» при регламентации судебной деятельности. Этноконцепты «обида», «грех» отражены в тематической группе «противоправное деяние». Этноконцепт «обида» представлен в номинациях правонарушений против личности и ущерба от них. Этноконцепт «грех» актуализирован при номинации антигосударственных, должностных, воинских преступлений и правонарушений. Обнаружена оппозиция отрицательных этноконцептов «обида», «грех» и положительных «правда — справедливость», «совесть». Подтверждена гипотеза исследования: в период европеизации государства и реформирования системы права сохранялась этнокультурная идентичность официального правосознания, отраженная в языке права, система правовых понятий была органично связана с национальной системой ценностей и предшествующими правовыми традициями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: законодательный документ, правосознание, этнокультурный концепт, этнокультурная идентичность, юридический термин

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Попова Л. В. Этнокультурные ценности через призму языка законодательства Петра I. *Кунсткамера*. 2022. 1(15): 150–156. doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-150-156

Liudmila Popova

Miass branch of Chelyabinsk State University
Miass, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-2690-246X
E-mail: mila_fil@mail.ru

Ethno-Cultural Values through the Prism of Legislative Language of Peter I

ABSTRACT. The article considers the issue of an ambiguous assessment of the reform activities of Peter I from the point of view of attitudes towards national culture. The continuity of legal concepts in the system of law of the era of Peter I in relation to the previous stages of development of law and the values of the Russian mentality is shown. The analysis of legal terminology in the texts of legislative documents (personal decrees, codes of norms for government bodies, judicial authorities and the army) is carried out. The forms of lexical representation of the key moral, ethical and religious concepts of the Russian mentality (“truth”, “justice”, “hurt”, “conscience”, “sin”) are established. The terminological status of ethno-cultural nominations is revealed. The complex ethno-concept “truth — justice” is reflected in the terminology of the thematic groups “lawmaking” and “law enforcement”. The ethno-concept “conscience” is actualized in the thematic group “law enforcement” in the regulation of judicial activity. Ethno-concepts “hurt”, “sin” are reflected in the thematic group “wrongful act”. The ethno-concept “hurt” is presented in the nominations of illegal actions against a person and damage from them. The ethno-concept “sin” is actualized when nominating anti-state, official, military crimes and offenses. The opposition of negative ethno-concepts “offense”, “sin” and positive “truth — justice”, “conscience” is revealed. The hypothesis of the study was confirmed: during the period of Europeanization of the state and the reform of the legal system, the ethno-cultural identity of the official legal consciousness, reflected in the language of law, was preserved; the system of legal concepts was organically linked with the national system of values and previous legal traditions.

KEY WORDS: legislative documents, legal consciousness, ethno-cultural concept, ethno-cultural identity, legal term

FOR CITATION: Popova L. Ethno-Cultural Values through the Prism of Legislative Language of Peter I. *Kunstkamera*. 2022. 1(15): 150–156. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-1(15)-150-156

Реформаторская деятельность Петра I неоднозначно оценивается с точки зрения отношения к национальной культуре. С одной стороны, подчеркивается прозападнический характер его преобразований, отрыв от национальных корней, в том числе от правовых традиций. Так, в популярной книге К. Касьяновой «О русском национальном характере» (1994: 193–194) отмечается, что при введении Петром I западных моделей управления государство, в том числе право, возникло отдельно от национальной культуры, ментальности, и тогда начался 300-летний процесс «введения» государства в культуру. Однако государство и культура не объединились, а продолжают существовать параллельно, сталкиваясь и мешая друг другу. Причиной такой ситуации К. Касьянова считает приоритет морали (особенно идеи правды, справедливости) как высшего смысла в русской ментальности и отсутствие такого смысла у русского права, законодательства, которые не связаны с обычным правом, опирающимся на систему коллективных идеалов. В истории права констатируется окончательное отделение правовых норм от моральных и религиозных в XVII–XVIII вв. (Рогов, Рогов 2006: 128) и подчеркивается новаторство Петра I в осмыслении и терминологическом выражении правовых категорий, понятий (Рогов, Рогов 2006: 171). Критическую оценку получает склонность Петра I к европейской лексике при создании правовых актов (РЗ. Т. 4: 21).

С другой стороны, еще в XIX в. И. В. Киреевский в письме «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России» обращал внимание на устойчивую самобытность русской культуры, фактически невозможность полноценной европеизации: хотя Петр I видел в европейском просвещении спасение для России, однако в России продолжали существовать особенные начала просвещения, сосредоточившие специфические черты русского духа и быта как следствия особого пути развития — дохристианского, а затем православного. В России, по мнению И. В. Киреевского, общественность основана на коренном единомыслии, отсюда твердость нравов, святость предания и крепость обычных отношений. «Россия, отделившись духом от Европы, жила и жизнью отдельною от нее. Англичанин, француз, итальянец, немец никогда не переставал быть европейцем, всегда сохраняя притом свою национальную особенность. Русскому человеку, напротив того, надобно было почти уничтожить свою народную личность, чтобы сродниться с образованностью западную, ибо и наружный вид, и внутренний склад ума, взаимно друг друга объясняющие и поддерживающие, были в нем следствием совсем другой жизни, проистекающей совсем из других источников» (Киреевский 1852: 13–14). «Эти три элемента Запада: Римская церковь, древнеримская образованность и возникшая из насилий завоевания государственность — были совершенно чужды древней России» (Киреевский 1852: 17).

Д. С. Лихачев, рассуждая, действительно ли при Петре I культура новой России пошла целиком за Западом, оборвав традиции и зачеркнув все наследие старой Руси, пришел к отрицательному ответу на основе изучения закономерностей развития древнерусской культуры. Он считал, что петровские реформы были подготовлены не только отдельными явлениями XVII в., а явились закономерным результатом всего развития русской культуры, начавшей переходить от средневекового типа к типу нового времени. Констатируя осознанность перехода Петра I к новой «знаковой системе» культуры (в сравнении с неосознанностью этого процесса ранее), Лихачев отмечает и реформирование государственной терминологии по образцу европейской (Лихачев 2003).

В истории права выражено объективное мнение о степени новаторства государственно-правовой деятельности Петра I, созвучное позиции Киреевского и Лихачева: его преобразования — центральное событие социально-экономической и политической истории России XVIII в., однако реформы были подготовлены всем ходом развития страны и не изменяли в принципе феодально-крепостнического строя России (ПРП. Вып. 8: 5, 10).

Нам представляется важным проследить преемственность правовых понятий в системе права эпохи Петра I по отношению к предшествующим этапам развития права и ценностям русской ментальности. В качестве материала исследования выбраны важнейшие правовые тексты эпохи реформ. Объектом нашего исследования являются русские этнокультурные концепты в системе права эпохи Петра I, предметом изучения — языковое выражение ключевых этнокультурных

смыслов в законодательстве. Гипотеза исследования: несмотря на внешнюю европеизацию государства и права, сохранялась этнокультурная идентичность официального правосознания, отраженная в языке права, система правовых понятий была органично связана с национальной системой ценностей и предшествующими правовыми традициями.

В языке законодательства Петра I репрезентированы ключевые морально-этические и религиозные концепты русской ментальности: «правда», «справедливость», «обида», «совесть», «грех». Номинации данных концептов регулярно использовались для выражения базовых юридических понятий.

Комплексный этноконцепт «правда — справедливость» отражен в терминологии тематических групп «правотворчество» и «правоприменение».

Многочисленные именные законодательные акты Петра I являлись указами, например: Именной указ «О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве Государственных доходов, торговли и других отраслей Государственного хозяйства» 1711 г. (ПСЗРИ I. Т. IV. № 2330 — Здесь и далее знаком № обозначается порядковый номер документа в «Собрании»); Именной указ «О должности Фискалов» 1714 г. (ПСЗРИ I. Т. V. № 2786); Именной указ «О должности Генерал-Прокурора» 1722 г. (ПСЗРИ I. Т. VI. № 3979). При номинации кодексов использовались термины *устав* и *регламент* (парные), *артикул*: кодексы норм для органов власти «Генеральный Регламент или Устав» 1720 г. (ПСЗРИ I. Т. VI. № 3534); «Регламент или Устав Главного Магистрата» 1721 г. (ПСЗРИ I. Т. VI. № 3708); «Устав Воинский» 1716 г., включающий уголовный кодекс «Артикул воинский с кратким толкованием» и процессуальный кодекс «Краткое изображение Процессов или Судебных тяжб» (ПСЗРИ I. Т. V. № 3006).

При наличии терминов исконных *устав*, *указ*, иноязычных *регламент*, *артикул*, выносимых в названия видов документов, в языке законодательства Петра I регулярно использовался термин *права* (в форме множественного числа), который имел значение как «законодательные акты», так и «правовые нормы». В словосочетаниях типа *права и уставы* термин *права* подразумевает указы Петра I как вид законодательных актов (ПРП. Вып. 8: 156–157): «Его Царского Величества права и уставы», «по Его Царского Величества, Нашего Всемиловнейшего Царя Государя воинским пунктам, правам и уставам приговаривать и осуждать хощем право и нелицемерно» («Устав Воинский»). В словосочетаниях типа «Государственные права»; «как Права объявляют»; «в правах утверждено»; «приговор против прав»; «судьям знать надлежит права» («Устав Воинский»), «по гражданским правам суда искать» («Регламент или Устав Главного Магистрата») значение термина *права* при отсутствии в контексте других номинаций (*указ*, *устав*, *регламент*) является родовым — «нормативно-правовой акт». Одновременно термин *права* в таких контекстах подразумевает и «правовые нормы».

Итак, рассмотренный термин *права* в значениях «законодательные акты», «правовые нормы» является репрезентантом комплексного этноконцепта «правда — справедливость».

При номинации процессов, субъектов в работе следственных и судебных органов применялись термины, этимологически и концептуально связанные с термином *права*, репрезентирующие этноконцепт «правда — справедливость».

Для выражения проявлений правомерности и неправомерности применялась антонимическая группа *справедливый — несправедливый*, *справедливость — несправедливость*. В кодексе «Краткое изображение Процессов или Судебных тяжб» правомерное решение суда названо *справедливым* (ч. I, гл. III, п. 3). В кодексе «Артикул воинский» результат устранения последствий правонарушения (*обида*) обозначен выражением «справедливость учинить» (гл. XI, арт. 86); оскорбление (*бесчестие*), причиненное нижестоящему вышестоящим, названо *несправедливостью* (гл. III, арт. 24).

Правомерность и неправомерность следствия и суда выражались с помощью антонимических пар *праведный — неправедный*, *правый — неправый*. «Регламент или Устав Главного Магистрата» содержит определение *праведный* в значении «правомерный» к терминам *суд* и *розыск*: «чтоб

в Магистратах везде суд и розыск по делам был праведный по Уложению и по Его Великого Государя указам» (гл. IX); *неправедно* — в речевой формуле «неправедно бить челом или доносить» (гл. XIV). Значимость данной номинации в языке законодательства Петра I подтверждает определение *праведный* в сочетании с названием нормативно-правового акта («устав истинный и праведной») в Уставе «О наследии престола» 1722 г. (ПСЗРИ 1. Т. VI. № 3893). Судьи, нарушающие процессуальные нормы, названы *неправедными* в указе «О поручении Правительствующему Сенату попечения о правосудии, об устройстве Государственных доходов, торговли и других отраслей Государственного хозяйства» 1711 г. (ПСЗРИ 1. Т. IV. № 2330), причем за указанное правонарушение установлено наказание в виде отнятия чести и всего имения. Отметим вариативность номинаций *праведный* — *неправедный*, *правый* — *неправый*, отражающую смысловую идентичность данных пар: *(не)правый / (не)праведный розыск, суд* и т. п. («Регламент или Устав Главного Магистрата» и ряд именных указов).

Согласно «Словарю русской ментальности», «правда» и «справедливость» взаимообусловлены в русской языковой картине мира (Колесов и др. 2014. Т. 2: 82, 313). *Справедливость* была важнейшим компонентом древнерусского юридического термина *правда* (Рогов, Рогов 2006: 41). Производные от корня *rǫav- активно функционировали в юридическом языке Древней Руси (Иванов, Топоров 1978: 234–235). Лексема *правда* (*rǫavьda ‘истина’, ‘норма’, ‘справедливость’) в заглавии кодекса «Правда Русская» выражает понятие «свод истинных и справедливых правовых норм». Таким образом, макроконцепт «правда — справедливость», который лежал в основе русского представления о праве, законе, был актуален и в эпоху Петра I при регламентации базовых понятий права.

Этноконцепт «совесть» актуализирован в тематической группе «правоприменение» при регламентации судебной деятельности. Обратим внимание на одинаковое требование к официальным и частным лицам быть честными и проявлять высокую нравственность как основу правомерного поведения в ходе судебных процессов.

Фискалы, обязанные контролировать работу судов, должны были иметь «добрую совесть»: «В сем звании будущим надлежит быть людям добрыя совести пред Богом, дабы никому не манить и никого напрасно не оскорблять, а особливо беспорочно служащих» («Устав Воинский», гл. XLII). В кодексе «Краткое изображение Процессов или Судебных тяжб» судьям предписано «напамятовать свою совесть при отправлении дела» (гл. I, п. 10). Напротив, отступление от принципов честности, а значит и правомерности, названо «забыванием совести», например в процедуре показаний свидетеля: «понеже когда он присягал, тогда уже присяги своей, разве забыв свою совесть, не нарушит, но толь паче правду донесет» (ч. 2, гл. III «О свидетелях», п. 6).

Этноконцепт «совесть», очевидно, неслучайно выбран в качестве критерия законопослушности, правомерности, поскольку в русской ментальности он традиционно используется при осмыслении оппозиции добра и зла, правды и неправды, справедливости и несправедливости, т. е. лежит в основе морального «кодекса» как нравственный ориентир. «Совесть — личное сознание, нравственно оценивающее все проявления добра и зла в единстве чутья и чувства, души и духа, вызывая со-чувствие и активное со-участие в общем деле <...> способность дать личную оценку слову и поступку, прирожденное чувство справедливости, правды и чести, инстинктивное стремление к добру и любви» (Колесов и др. 2014. Т. 2: 286). В тесной связи с концептом «совесть» находится и русское представление о *честном человеке*: «обладает благородством души, живет по законам совести и правды и неспособен на подлость (как бесчестный человек) <...> ничем морально не запятанный и поэтому достойный почтения» (Колесов и др. 2014. Т. 2: 488–489).

Этноконцепты «обида», «грех» отражены в тематической группе «противоправное деяние».

Для номинации неправомερных действий против личности и ущерба от них использовалась терминологическая группа *обида*, *обидеть*, *обиженный*, противопоставленная в языке права термину *справедливость*, т. е. наблюдается оппозиция этноконцептов «обида» — «правда — справедливость».

Уже в «Русской Правде» термин *обида* подразумевал и преступление (уголовное), и правонарушение (гражданско-правовой деликт) (ПРП. Вып. 8: 576).

В указе «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных распросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» 1697 г. термин *обида* обобщенно называет преступления и правонарушения (против здоровья, чести, имущества) как основание иска (*челобитья*): «А вместо судов и очных ставок по челобитью всяких чинов людей в обидах и в разореньях чинить розыск в брани и в бесчестье или в бою и в увечье и во всяких обидах и в разоренье» (ПСЗРИ 1. Т. III. № 1572). В кодексе «Артикул воинский» преступления против личности названы *насильствами* и *обидами* (гл. III, арт. 23), пострадавший от оскорбления (*бесчестия*) назван *обиженным* (гл. III, арт. 24; гл. XVII, арт. 147). Термин *обида* выражал и неправомерные поступки (оскорбление, ущерб) гражданских лиц в отношении военнослужащих, причем восстановление прав пострадавшего названо *справедливостью* (гл. XI, арт. 86). Петр I обязывал военнослужащих в случае причинения *обид* подавать индивидуальные жалобы во избежание возмущения, бунта: «каждому о себе и своих обидах бить челом, а не обще» (гл. XVII, арт. 133). В кодексе «Регламент или Устав Главного Магистрата» *обида* выражает правонарушения со стороны граждан в отношении представителей власти (гл. XV).

«Обида» — один из ключевых этноконцептов русской ментальности, противопоставленный макроконцепту «правда — справедливость». Важнейшей национальной идеей считается идея справедливости (Зализняк и др. 2012: 12). «Обида» — индивидуализированное представление о несправедливости, вызывающей нравственное страдание: «уязвление души и сердца как следствие причиненного злой волей вреда или ущерба» (Колесов и др. 2014. Т. 2: 530).

Этноконцепт «грех» актуализирован при номинации антигосударственных, должностных, воинских преступлений и правонарушений, он представлен терминологической группой *погрешить, согрешить, погрешение, прегрешение* в указах, кодексах о государственной и муниципальной службе, в военных кодексах.

В указе «О должности Фискалов» регламентируются обязанности фискала в ситуации неправомерного розыска, проводимого губернатором, вице-губернатором, а также в случае незаконного поступка (*погрешения*) чиновника: «А буде Губернатор или Вице-Губернатор розыск чинить будет неправой же, или сам впадет в какое погрешение; и о том Провинциал Фискалу писать к Обер-Фискалу со товарищи, а ему доносить в Сенате». «Генеральный Регламент или Устав» содержит термины *погрешить, согрешить, погрешение, прегрешение* при квалификации неправомерных поступков государственных служащих в Коллегиях: «За добрые поступки о награждении противу же того, ежели кто против должности погрешить, о штрафе»; «... ежели кто меньшее преступление учинит, как выше писано, таковым за преступление наказания чинить ссылкой на галеру временную, со отнятием всего или части имения, или лишением чина и тяжким штрафом (ежели впервые) по силе прегрешения» (гл. L). Аналогично данные термины функционируют в кодексе «Регламент или Устав Главного Магистрата»: «А если из Магистрата кто впадет в какое важное погрешение...» (гл. VI).

Концепт «грех» в русской ментальности — «нарушение нравственной правды»: отклонение от праведного пути, вызывающее жжение совести, терзание души (Колесов и др. 2014. Т. 1: 178). Следовательно, этноконцепт «грех» образует оппозицию к этноконцепту «правда — справедливость» и обусловлен этноконцептом «совесть». Для юридического языка Петра I характерно сближение понятий неправомерности и греховности, осмысление концепта «преступление» на фоне морально-религиозной системы ценностей.

Таким образом, гипотеза исследования подтверждена: в период европеизации государства и реформирования системы права сохранялась этнокультурная идентичность официального правосознания, отраженная в языке права, система правовых понятий была органично связана с национальной системой ценностей и предшествующими правовыми традициями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ПСЗРИ 1 — Полное собрание законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. С 1649 по 12 Декабря 1825 года: в 42 т. СПб.: тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

ПРП — Памятники русского права: в 8 вып. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1952–1961.

РЗ — Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. М.: Юрид. лит., 1984–1994.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира. М.: Языки славянских культур, 2012.

Иванов В. В., Топоров В. Н. О языке древнего славянского права (к анализу нескольких ключевых терминов) // Славянское языкознание. VIII Междунар. съезд славистов, Загреб — Любляна, сент. 1978 г.: докл. советской делегации. М.: Наука, 1978. С. 221–240.

Касьянова К. О русском национальном характере. М.: Ин-т национальной модели экономики, 1994.

Киреевский И. В. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к графу Е. Е. Комаровскому). М.: тип. Александра Семена, 1852.

Колесов В. В., Колесова Д. В., Харитонов А. А. Словарь русской ментальности: в 2 т. СПб.: Златоуст, 2014.

Лихачев Д. С. Была ли эпоха Петровских реформ перерывом в развитии русской культуры? // Петр Великий: pro et contra: личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: антология / редкол.: Д. К. Бурлака [и др.]. СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного ин-та, 2003. С. 708–712.

Рогов В. А., Рогов В. В. Древнерусская правовая терминология в отношении к теории права (очерки IX — середины XVII вв.). М.: МГИУ, 2006.

REFERENCES

Ivanov V. V., Toporov V. N. O iazyke drevnego slavianskogo prava (k analizu neskol'kikh kliuchevykh terminov) [On the Language of Ancient Slavic Law (To the Analysis of Several Key Terms)]. *Slavianskoe iazykoznanie. VIII Mezhdunarodnyi S'ezd slavistov, Zagreb–Liubliana, sentiabr' 1978 goda: doklady sovetskoi delegatsii* [Slavic Linguistics. 8th International Congress of Slavists: Reports of the Soviet Delegation]. Moscow: Nauka, 1978, pp. 221–240. (In Russian)

Kas'ianova K. *O russkom natsional'nom kharaktere* [About the Russian National Character]. Moscow: Institut natsional'noi modeli ekonomiki, 1994. (In Russian)

Kolesov V. V., Kolesova D. V., Kharitonov A. A. *Slovar' russkoi mental'nosti* [Dictionary of the Russian Mentality]: in 2 vol. St. Petersburg: Zlatoust, 2014. (In Russian)

Likhachev D. S. Byla li epokha Petrovskikh reform pereryvom v razvitii russkoi kul'tury? [Was the Era of Peter the Great's Reforms a Break in the Development of Russian Culture?]. *Petr Velikii: pro et contra: lichnost' i deianiia Petra I v otsenke russkikh myslitelei i issledovatelei: antologiya* [Peter the Great: Pro et Contra: the Personality and Deeds of Peter I in the Assessment of Russian Thinkers and Researchers: Anthology]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, 2003, pp. 708–712. (In Russian)

Rogov V. A., Rogov V. V. *Drevnerusskaia pravovaia terminologiya v otnoshenii k teorii prava (ocherki IX — serediny XVII vekov)* [Old Russian Legal Terminology in the Relation to the Theory of the Right (Sketches of 9th — the Middle of the 17th Centuries)]. Moscow: MGIU, 2006. (In Russian)

Zalizniak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Konstanty i peremennye russkoi iazykovoii kartiny mira* [Constants and Variables of the Russian Language Picture of the World]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2012. (In Russian)

Submitted: 10.12.2021

Accepted: 20.02.2022

Published: 10.04.2022